

UDC 930.85

J. Gobineau, Wagner, China and the Emergence of the ‘Yellow Threat’¹Dmitry E. Martynov²Yulia A. Martynova

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation
Institute of Oriental Studies and International Relations
PhD, Associated Professor

420111, Kazan, Pushkin str., 1/55
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

² Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation
Salikh Saidashev Higher School of Arts
Concertmaster

420021, Kazan, Tatarstan str., 2
E-mail: marabaeva.juli@gmail.com

Abstract. The article deals with the views of J. Gobineau of China and the term of the ‘Yellow Threat’. Gobineau denied the progress and the social equality and considered China the most sociable community of the world and at the same time developed the concept of the ‘Yellow Threat’. Being the logical pessimist, he considered that the major conflict of the XX century will be the conflict between the white and the yellow races. After his death, the views of Gobineau were adopted by R. Wagner’s and spread across kaiser Germany. They were also adopted by the imperial Japan, followed by Konoe Atsumaro and Mori Ogai. Despite the attention of Gobineau to the problems of China, his views didn’t spread across China.

Keywords: General history; China; Japan; the ‘Yellow Threat’; racism; elitism; egalitarianism; imperialism; colonialism.

Введение. Вклад Жозефа-Артюра де Гобино (1816 – 1882) в западную общественную мысль может быть охарактеризован как глубоко противоречивый. Считая себя в первую очередь литератором, он не был популярен у современников, однако его расовая теория нашла признание сначала в кайзеровской Германии, а далее и в Третьем Рейхе. Впрочем в нацистской Германии он так и не попал в сонм «народных мыслителей». Во второй половине XX в. теория Гобино стала восприниматься как безусловный анахронизм, который упоминается в обобщающих трудах (напр. [1, с. 84–86]), количество работ, специально посвящённых ему, невелико, а на русском языке исчисляется единицами [2].

Необходимость вновь обратиться к теориям Ж. Гобино определяется, на наш взгляд, двумя основными обстоятельствами. В условиях быстрой поляризации и радикализации общественного сознания (ныне глобального), исследование трудов основоположников популярных теорий – расовых в том числе, – позволяет выявить источники популярных мифов и способствовать борьбе с ними. Имя Ж. Гобино прочно связано как минимум с двумя мифологемами – превосходства арийской расы и «жёлтой угрозы». Посему возвращение к главному труду Гобино – «Опыта о неравенстве человеческих рас» [3] с точки зрения востоковеда и историка общественной мысли не будет лишь антикварным интересом.

Китай в теории Гобино. К середине 1850-х гг. Ж. Гобино служил секретарём посольства в Иране и с полным правом именовал себя профессиональным востоковедом. Опыт Ирана как «анти-Европы» служил теоретическому обоснованию его мировоззрения, отрицающего прогресс и современность. Тогда же был написан и «Опыт». Связь с Китаем парадоксальна, как многое в его жизни: в 1859 г. кандидатура Гобино рассматривалась при назначении первого официального посла Франции в Китай (где до 1912 г. правила маньчжурская династия Цин), но он отклонил это предложение, поскольку в дипломатической иерархии того времени оно было равносильно ссылке. По крайней мере, так воспринимал ситуацию сам Гобино, описывая её в письме своему учителю А. де Токвиллю [4, р. 196]; так же воспринял и своё назначение в Бразилию.

Расовая теория не была инновацией Гобино, принципиально новым для западного общественного сознания было понятие о смешении рас как принципе подъёма и упадка мировых цивилизаций, а также роли «вырождения» в этом процессе. Заметим лишь, что понятие «раса», используемое в «Опыте», практически аналогично понятию «этнос», «этническая группа» и восходит к историографии европейского романтизма [2, с. 135, 137–138].

Из трёх основных рас – белой, чёрной и жёлтой – по Гобино белая (арийская) раса является элитарной. Социальные институты, созданные этой расой, основаны на конкуренции и неравенстве. Напротив, жёлтая раса является самой социабельной изо всех существующих. «Во всех делах – приверженность к посредственности, четкое понимание всего, что не является слишком

возвышенным или глубоким; любовь ко всему полезному, уважение к порядку, осознание преимуществ, которые дает определенная доза свободы. Желтокожие очень практичны, в узком смысле этого слова. Они не предаются мечтаниям, не склонны к теоретическим рассуждениям, неизобретательны, но способны оценить и принять все утилитарное. Их желания ограничиваются спокойной и, по мере возможности, удобной жизнью. <...> Наверное, любой цивилизатор охотно избрал бы такой народ в качестве основы своего общества...» [3, с. 194–195].

Из своей расовой теории Гобино выводил теорию цивилизаций, которых насчитывал 10. Все они были обязаны своим возникновением арийскому элементу, который зародился в Центральной Азии и Сибири и постепенно смешиваясь с остальными расами привёл к созданию цивилизации. Взгляды Гобино весьма причудливы, например, он считал, что древнеегипетская цивилизация была создана арийской колонией из Индии, которая возникла в верхнем течении Нила. Китайская цивилизация в классификации Гобино шла под №5 и была аналогична египетской по обстоятельствам возникновения – начатки социального мышления привнесла жёлтой расе колония арийцев из Индии [3, с. 200–201]. Экзотично даже в этом контексте выглядела идея возникновения доколумбовых цивилизаций Америки, изложенная в книге «История Оттара-ярла» (1879)¹. Арийским элементом, который привёл к созданию цивилизации, были немногочисленные группы викингов.

Здесь можно услышать явно диссонансную ноту. Гобино заявлял, что монголоиды зародились и развивались на Американском континенте, переселились на север Евразии и далее начали расселение в юго-западном направлении. В результате оказывалось, что неполноценная жёлтая раса победила и вытеснила белые финские народы – коренных обитателей северной Евразии и Дальнего Востока. Гобино делал ещё более оригинальные выводы, ближе всего стоящие к вульгарному расизму: он предположил, что описанные в индийском эпосе «Рамаяна» обезьяны полчища, – не что иное как монголоидные армии, используемые Рамой для покорения чёрных народов южной Индии [3, с. 365].

Гобино отказывался признавать глубокую древность китайской цивилизации, а равно и достоверность письменных источников, которые были созданы до III в. до н.э. [3, с. 369–370]. Однако он использовал миф о первочеловеке Пань-гу², который сопоставлял с данными индийской мифологии, и в результате посчитал его доказательством цивилизующей роли индийских арийцев на «потомков обезьян» – племён мяо, населявших древнейший Китай [3, с. 371–372]. Цивилизование, осуществляемое воинами-кшатриями, восставшими против брахманов, Гобино относил к XXX – XXVIII вв. до н.э. Таким образом, центром возникновения китайской цивилизации был юг, а не север, а ненависть восставших кшатриев к брахманической системе определила социальный, а не религиозный характер китайской цивилизации, диктуемый «мужским» типом кшатрийского мышления [3, с. 373–376]. Соответственно, китайская цивилизация относится к «мужскому типу», что противоположно представлениям XIX в. и даже собственно китайским взглядам на этот счёт [5].

С начала XIX в. Китай служил для европейских мыслителей эталоном патриархального общества и идеологии. Для Гобино, отрицающего ценности либерализма и социализма, патриархат был моделью древнейшего арийского общественного строя, соответственно, он считал его самым совершенным для древности и зримым доказательством культурной деятельности арийцев среди низших рас. «У китайцев очень прозаическая натура, чрезмерность ужасает их, поэтому несправедливый монарх немедленно теряет авторитет и уважение. В этой стране принципом правления был патриархат, поскольку цивилизаторами были арийцы, которые жили среди низших народов, но на практике абсолютизм властителя не проявлялся ни в сверхчеловеческой гордыне, ни в отталкивающем деспотизме и был ограничен узкими рамками в силу того, что малайская природа не провоцировала эксцессов, а арийский дух, смешиваясь с ней, находил среду, осознающую, что спасение государства есть соблюдение законов на всех уровнях населения. <...> Самое святое – традиция, и тирания усматривается даже в отходе императора от обычаев предков. Короче говоря, сыну Неба позволено все, за исключением посягательства на освященные традиции» [3, с. 378–379].

Арийское завоевание Гобино относил к китайской праистории. Для раннего периода характерна «фрагментарность власти», расплывлённой по многим княжествам. Это соотносится с древнейшей историей Египта и Индии, из чего делается вывод, что арийцы не приемлют унификации [3, с. 383]. Эту систему Гобино называл «феодальной», и, по-видимому, это было первой попыткой охарактеризовать таким образом общественно-экономический строй доимперского Китая. Идея тождества общественной системы древнейшего Китая и европейского феодализма восторжествует в историографии только в первой трети XX в. благодаря работам Ху Ши (основные историографические подходы в этом вопросе рассмотрены в статье М.Е. Кравцовой [6]).

Таким образом, события III в. до н.э. – реформы Цинь Ши-хуанди и создание имперского механизма – для Гобино означали утрату всякого наследия белой расы, и торжество расы жёлтой, что он даже сравнивал с начальным этапом Великой Французской революции [3, с. 384].

¹ Гобино возводил к Оттару – норвежскому пирату IX – X вв., завоевателю Нормандии, – свою родословную. В конце жизни он всё более идентифицировал с ним себя, последние письма к сестре подписаны именно этим именем [2, с. 138, 141].

² Миф о первопредке был зафиксирован в письменной культуре Китая не ранее III в. н.э. Предполагается, что это было заимствование из мифологической традиции аборигенов китайского Юга, в частности, мяо.

В теории Китая Гобино было множество других оригинальных посылок. Китай для него был «демократической монархией», в которой чиновники-мандарины ограничивали пределы императорской власти, а система государственных экзаменов позволяла любому простолюдину занять высочайшее положение в обществе. «Посредственность» китайской литературы сочетается с масштабами образования, недоступного современной ему Европе. Подчёркивание сосуществования демократии и деспотизма в Китае не было нарочитым парадоксализмом Гобино, поскольку вытекало из политической теории Аристотеля, а также демонстрировало явное влияние его учителя Токвиля, который полагал, что стремление к равенству подрывает стремление к совершенствованию.

Таким образом, Гобино находился в одном шаге от признания китайской цивилизации социалистической в своей основе. Скорее всего, он был знаком с председательской речью Ю. Моля в Азиатском обществе в конце 1851 г., в которой сущность китайского общества прямо называлась формой социализма. В том же году другой знакомый Гобино – китаевед и тибетолог Э. Хюк выпустил в свет весьма популярный труд «Китайская империя», в которой охарактеризовал суть реформ Ван Ань-ши (1021–1086) как социалистическую [7, р. 113]. Таким образом, для Гобино социализм и эгалитаризм были совпадающими понятиями, полностью приложимыми к китайскому обществу. Он проводил явные параллели между институтами китайского мандарината и политической практикой современной ему Франции, именуя «химерой» основные столпы либерализма – равенство, верховенство личных заслуг и возможность добиться успеха только при помощи личных способностей. Однако он признавал, что эти «принципы 1789 года» ещё в древности были реализованы в монархическом Китае.

«Жёлтая угроза», Вагнер и эсхатология. В описаниях Китая Гобино можно найти достаточное количество отсылок и прямых заимствований из труда Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества». Однако «Опыт» Гобино мыслился его автором не только как попытка научной интерпретации всей человеческой истории, но и нес совершенно ясный идеологический и личностный посыл. Перечисленные выше параллели между политическими системами традиционного Китая и современной Гобино Европы могут рассматриваться как аналог «Персидских писем» Монтескье – метафоры, предназначенные для развенчания и санации причин политических конфликтов в Европе. Однако, анализируя материалы, созданные Гобино в последнее десятилетие его жизни (не только его статьи, но и переписку и дневниковые записи), становится очевидным, что он понимал тесную взаимосвязь всех субъектов международного процесса. В конце жизни он со всей определённой выказывал идею, что Китай, захваченный Россией (или Германией), может захватить Европу и совершенно уничтожить белую расу и созданную ею цивилизацию. Более того – борьба с социализмом по важности для судеб мира уступает неизбежной перспективе китайского вторжения [8, s. 219–220]. В 1878 г. Гобино предсказывал, что вторжение начнётся в ближайшие 10 лет [9, р. XLVI–XLVII].

Активное внедрение идеи «жёлтой угрозы» в западное общественное сознание происходило следующим образом: в 1876 г. Гобино, сопровождая в европейском турне бразильского императора Педру II, впервые встретился с Р. Вагнером, знакомство возобновилось в 1880 г., к тому времени композитор прочитал и «Опыт» [8, s. 236–242]. Современники отмечали, что к 1881 г. Гобино уже состоял в приятельских отношениях со всем вагнеровским кругом, включая его жену Козиму (урождённую Лист). Вагнеровская газета “Bayreuther Blätter” («Байрёйтский листок») впервые познакомила немецких читателей с теориями Гобино, причём не только в пересказе; там публиковались переводы отрывков из работ графа [4, р. 256].

Практически все позднейшие исследователи подчёркивали значительные расхождения в мировоззрении и интеллектуальных построениях Гобино и Вагнера. Однако в начале 1880-х гг. Вагнер заявлял, что их видение прошлого и будущего вполне совместимы, ибо научные работы французского дипломата давали научное объяснение его собственных расовых идей. Издание своих сочинений 1881 г. Вагнер посвятил Гобино и был полон решимости распространять его наследие по Европе и миру [4, р. 256]. Возникает иной вопрос – смогли бы Вагнер и Гобино активно сотрудничать? Гобино раздражала идея всеобщего спасения, положенная Вагнером в основу собственного творчества, как христианская по своему генезису. Соответственно, Вагнер проигнорировал тезис Гобино, согласно которому артистические способности требуют расового смешения. Резко отличались их представления о морали – Вагнер последовательно придерживался шопенгауэровских взглядов, в то время как Гобино ближе были идеи Ницше, выраженные в «По ту сторону добра и зла» [8, s. 157].

Не следует, однако, пренебрегать и моментами схождения. В своей статье «Героизм и христианство» (*Heldentum und Christentum*) Вагнер продемонстрировал значительное воздействие на него идей Гобино, особенно во всём, что касалось античного театра, искусства Ренессанса и генеральной идеи – аскетизма арийских героев и неизбежности вырождения германской расы при межэтническом смешении [10, s. 231–232].

За год до кончины Вагнера, Гобино поместил в его «Байрёйтском листке» статью «Относительно нынешнего положения дел в мире», переведённую на немецкий язык К. Вагнер и снабжённую введением композитора. Статья эта примечательна во многих отношениях, ибо содержит краткое изложение всемирной истории с расовой точки зрения, а далее на этом фундаменте

выстраивается анализ мировой политики после насильственного «открытия» Китая во время Первой Опиумной войны (1839–1842) [8, s. 480–485]. Важнейшей параллелью древности по отношению к современности является образ жёлтого завоевателя Аттилы, которому Гобино приписал решающий удар, уничтоживший Римскую империю.

Отношение Гобино к Аттиле менялось в течение жизни. В первой попытке изложить расовую теорию – эпической поэме «Манфредина» (1848) – Гобино изобразил завоевателя как «сокрушителя революции городской черни». Тогда ещё он находился под влиянием идей романтизма, активно взявшего линию на «романтизацию варварства» (как выразился ещё К. Маркс), которое, вполне в руссоистском ключе, противопоставлялось аморальной и декадентской «цивилизации», – сиречь, современности. Однако уже в «Опыте» Аттила рассматривался как типичный представитель жёлтой расы, и тем самым утратил почти все свои привлекательные черты [11, p. 144–145].

Здесь следует подчеркнуть, что по мнению Гобино, Римская империя к тому времени безнадежно прогнила от чрезмерного прилива «меланийской крови», порождённой длительным процессом «семитизации». Для Гобино, однако, важнее было не центральноазиатское происхождение Аттилы, а тот факт, что подавляющее большинство его войск составляли германские варвары – т.е. арийцы. Именно они «расчистили» пространство для нового подъёма арийской культуры в средневековой Европе [8, s. 482].

Возвращаясь к современности, Гобино особое внимание уделил темпам и масштабу китайской эмиграции, описав последствия «китайской волны», которая захлестнёт Европу по железным дорогам Российской империи. Граф одобрительно отозвался о законах, запрещающих китайскую миграцию в Калифорнию и южные колонии Британской империи (будущие Австралия и Новая Зеландия) – на том простом основании, что антипатия к чуждым расам естественна. Пессимизм его, знакомый читателям «Опыта», нашёл своё полное воплощение в прогнозе на будущее: Европа в конечном счёте будет поглощена «ордами с Востока», поскольку её социальная структура, неотделимая от расового состава общества, слишком деградировала, чтобы противостоять нашествию. Итогом будет наступление «нового V века», в котором «новые жёлтые орды» сметут Европу ещё более радикальным образом, чем во времена Римской империи, ибо она ещё более деградировала в расовом отношении. Вспоминая схемы мирового процесса, описанные в «Опыте», это будет ликвидацией последних остатков арийской цивилизации в Европе, и осуществят её китайцы, которым свойственны узкие коммерческие и личные интересы [7, p. 117].

Поскольку Гобино считал себя в первую очередь литератором, он попытался придать своим видениям художественный вид. Последним его опубликованным произведением стала трагедия «Амадис», частично опубликованная в 1876 г., и вышедшая в полном виде уже после кончины автора – в 1887 г. [8, s. 485, 490]. Поэма исключительно велика по своему объёму – около 12 000 стихов, свыше 500 страниц текста, и весьма тяжела по стилю. Основное её содержание – эсхатологический конфликт белой и жёлтой рас. Изначальная элита белой расы – аскеты-герои, которым долгое время удавалось сохранять цивилизацию и должный социальный порядок, со временем стали жертвой революционных событий, приведших к власти простолюдинов, и прежде всего – буржуазию, которая является более и менее смешанной в расовом отношении, но, в свою очередь, сталкивается с восстаниями расово неполноценной черни. Ослабленная Европа становится лакомой добычей для хищников за её пределами. Последний шанс сохранить её – противостояние бесчисленным «жёлтым ордам» при помощи полуазиатов – славян. Однако арийские герои, непобедимые в открытом поединке, становятся жертвой многочисленности своих противников и тонут в море трупов тех, кого убили. Характерно, что в переиздания собрания сочинений Гобино, вышедших в XX в., поэма не включается [7, p. 117].

Содержание «Амадиса» является лучшей иллюстрацией того, что для Гобино историография и эсхатология совпадали. Ещё в «Опыте» описано, что жёлтые орды, пришедшие из Американского континента, изгнали арийцев из их прародины – Центральной Азии; это находит логическое завершение в «Амадисе». Однако самым парадоксальным на этом фоне выглядит совершенно иное – исходя из логики расизма, следовало бы ожидать, что Гобино должен оправдывать империалистическую экспансию. Граф и здесь был последовательно оригинален – он выступал с позиций расистского антиколониализма. Азия для Гобино – «запретный плод», который отравит любого, кто решится вкусить его. В своих художественных произведениях на азиатскую тему он вообще отходил от расизма и неоднократно подчёркивал высокие моральные и интеллектуальные качества восточных народов (например, лезгинов, которых рассматривал как «татар», т.е. относящихся к монголоидной расе) [2, с. 138].

Впервые образ Азии как запретного плода появился в статье Гобино «Три года в Азии», вышедшей в 1859 г. по результатам работы в дипломатическом представительстве Франции в Иране. В переписке с Токвилем в 1850-е гг., он предсказывал, что страны Азии неизбежно одолеют дряхлеющую Европу, особенно «ненасытный в своей древности Китай» [4, p. 142]. В «Опыте», написанном раньше, содержится весьма примечательный пассаж на эту тему. Гобино пытался смоделировать теорию арийского захвата Китая на современном ему материале. Первый генерал-губернатор Британской Индии лорд Р. Клайв (1725 – 1774) полагал, что достаточно 30-тысячной британской армии, чтобы покорить всю Среднюю империю. По индийскому образцу, войска

должны были составлять гарнизоны в важнейших городах и портах, чтобы обеспечить повиновение населения, свободный обмен товаров и сбор налогов. «Такая ситуация не могла бы продолжаться долго. 30 тысяч – слишком мало, чтобы господствовать над тремя сотнями миллионов, составляющими однородную массу в смысле чувств, инстинктов, потребностей. Даже при многократном увеличении армии, она оставалась бы в изоляции и в конце концов была бы вынуждена уйти. А теперь представим другое: лорд Клайв отрекается от британской короны и желает царствовать сам, как император Китая, над покорным его мечу населением. В этом случае дело могло бы обернуться иным образом» [3, с. 388]. Однако в конце концов побеждает пессимизм: Гобино полагает, что даже «серьёзные изменения в китайской крови» не могут быть основой цивилизации европейского типа, и чтобы европеизировать Китай, недостаточно сил «всех цивилизованных народов, взятых вместе». Гобино ещё в 1850-е гг. предсказывал, что Китай можно подчинить, но не удастся переделать [3, с. 389], ему предстоит двигаться до конца по предназначённому ему пути [3, с. 390].

Если анализировать данный пассаж, выясняется, что Гобино исходил из тезиса, что британское завоевание Индии оказалось успешным, в сущности, потому, что объектом и субъектом колониального режима оказались однокоренные в расовом отношении народы – англичане и индийцы. Напротив, рассуждая о возможности реализации британского плана завоевания Китая, Гобино полагал, что европейцы никогда не смогут собрать столь многочисленной колонии, чтобы оказать воздействие на своих жёлтых подданных. Единственным вариантом было бы окитаивание завоевателей, которые бы отпали от британской короны и возложили на себя корону Среднего государства.

Необходимо также заметить, что план, приписанный Гобино генерал-губернатору Клайву, в действительности ему не принадлежал. Издатели собрания сочинений Гобино указывали, что данный план излагался в биографии Клайва, написанной Дж. Малколмом в 1836 г., но не привели на сей счёт никаких источников [7, р. 118]. Похожий план, однако, излагался лордом Маккартни в дневниках его посольства в Китай 1793 г., но при жизни Гобино он не публиковался. Вероятно, граф использовал эту идею из какого-то промежуточного источника. Опасения Гобино относительно оборотной стороны европейского империализма значительно усилились после успешных действий России на Балканах (во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.) и в Центральной Азии, особенно после присоединения Кокандского ханства и Илийского кризиса 1871 – 1881 гг. [4, р. 250–254].

В общем, идеи Гобино, высказываемые им во время «Большой игры» в Центральной Азии, не были восприняты западной политической элитой. Его рассуждения о негативных последствиях западной экспансии в Азию, в частности – продвижения России в Северный Китай, были совершенно несовместимы с колониалистским оптимизмом (не сказать «угаром») 1880-х годов. Не приходится удивляться, что главный труд его жизни – «Опыт о неравенстве человеческих рас» был впервые переиздан в 1884 г., только после его смерти, в связи с окончательной аннексией Вьетнама, приведшей, в итоге, к франко-китайской войне 1884 – 1885 гг.

Иными словами, в наследии покойного Гобино современники расставили совершенно не те акценты, которые предполагались самим создателем. Спустя полвека после его кончины – в 1938 г., французский антрополог Ж. Барзун констатировал, что «идеи Гобино дали совершенно разные всходы в Англии, Франции и Германии. Если в Англии они были восприняты (или придуманы параллели к ним) без указания имени, а во Франции их принятие затянулось, то в Германии они были восприняты раньше всех и во всей полноте» [7, р. 119]. Действительно, в Германии идеи Гобино стали развиваться после их принятия вагнерианцами в Байрёйте, прежде всего – Людвигом Шеманом и британцем-германологом Хьюстоном Чемберленом (женатым на дочери композитора – Еве). Собственно, именно Шеман основал в 1894 г. «Общество Гобино», он же написал двухтомную биографию Гобино (1913–1916).

Х. Чемберлен подошёл к теориям французского графа менее эмоционально, а в идейном плане – более избирательно. Причиной тому был категорический эсхатологизм мышления Гобино и вытекающий отсюда исторический пессимизм. Он одновременно считал смешение рас двигателем развития человечества и смены цивилизаций и главной причиной их упадка и гибели, и вырождения и гибели всего человечества. Идея «вырождения» была живо подхвачена социальными мыслителями и антропологами XIX в., но и Шеман, и Чемберлен подошли к решению вопроса не как поэты, а как рационалисты. Иными словами, возникла идея, впоследствии развитая многочисленными эпигонами, что расовую «чистоту» можно поддерживать или даже восстанавливать, применив научные методы, в частности, евгенические. Кроме того, в пессимизме Гобино был аспект, который категорически не устраивал его продолжателей-вагнерианцев. Проблема заключалась в том, что к вопросу расовой чистоты арийцев граф подходил крайне непоследовательно. С одной стороны, Гобино заявлял, что к XIX в. несмешанных рас не осталось вообще, и постоянно критиковал современных ему европейцев, а особенно – французов. С другой, он многократно возносил хвалу национальному характеру и добродетелям «германцев», которых назвал главным арийским элементом в истории Европы в античности и средних веках. В то же время в некоторых своих статьях и частных выступлениях Гобино мог заявить, что современные немцы, англичане и шведы почти полностью сохранили арийские черты [12, р. 11, 22]. Естественно, что вагнерианцы, славяя идеи

арийского расизма и пангерманизма, предпочитали именно эти интерпретации, которые позволяли рассматривать немцев и скандинавов как исторических наследников великой арийской расы. Насколько это было искажением оригинальной мысли Гобино – вопрос в высшей степени дискуссионный [7, p. 120].

Наиболее болезненным для Шемана и Чемберлена являлся еврейский вопрос. Как и их вдохновитель Вагнер, они являлись последовательными идейными антисемитами, поэтому евреи для них были агентами духовного и расового «вырождения», маскирующихся под арийцев – и главными их врагами. Гобино и в данном вопросе избегал однозначности в суждениях – как мы уже упоминали выше, семиты были для него представителями «меланийской» низшей расы, но в то же время он описывал библейских израильтян как белых и неизменно отзывался о них с большим уважением. Описывая свою современность – середину XIX в. – Гобино повторял суждения о «семитизации» Европы (по аналогии с упадком Римской империи), но в то же время объективно описывал евреев как органический элемент европейской культуры, одну из составляющих жизнеспособного европейского общества. Т.е. антисемитизм Гобино в значительной степени был абстрактным, и отношение его к евреям сильно контрастирует с выпадами против «жёлтой угрозы» и «посредственностью китайцев-социалистов» и тем более славян-«полуазиатов» [4, p. 255]. Впрочем, биограф Вагнера – П. Роуз, отмечал, что находясь в Байрёйте, Гобино демонстрировал аристократическое презрение к евреям, которое производило на окружение композитора сильное впечатление и напрямую выразилось в работах Х. Чемберлена, выпускаемых в свет с 1899 г. [7, p. 121].

«Жёлтая угроза» и германский колониализм. Л. Шеман ещё в 1910 г. категорически заявлял, что именно Гобино впервые ввёл представления о «жёлтой угрозе» в германское общественное сознание [8, s. 485]. Согласно Г. Блю, если в 1880-е гг. призывы к оружию звучали преимущественно в кругах, близких Байрёйтскому фестивалю, то уже в 1890-е гг. концепция «жёлтой угрозы» стала переводиться в измерение международной политики, и инициатором такого переноса стал лично кайзер Вильгельм II. По Г. Блю между риторикой Гобино и риторикой Вильгельма Гогенцоллерна существует известное соответствие («резонанс» – по аналогии с астрономией) [7, p. 121].

Согласно Х. Голвицеру, специально занимавшегося этой проблемой, термин «жёлтая угроза» в 1890-е гг. популярнее всего был во Франции и Германии [Там же]. Собственно термин (никогда не используемый Гобино) появился на базе уже существовавших в предшествующее десятилетие «угроз», в первую очередь – американской (демпинговый экспорт продуктов сельского хозяйства сильно вредил юнкерству Германии). Постоянным элементом европейского политического языка была и «русская угроза», в которой, в зависимости от конъюнктуры, выделялись экономический или военный аспекты; а также «красная угроза», которую тогда представляли преимущественно социал-демократы.

В немецкий политический язык термин “die gelbe Gefahr” ввёл лично Вильгельм II в связи с событиями японо-китайской войны 1894–1895 гг. Французский и английский эквиваленты – “le péril jaune” и “Yellow Peril” – появились ещё позднее; так, французский термин впервые был употреблён в прессе в 1896 или 1897 гг. Хотя обычно считается, что английский термин стал широко употребляться в американской прессе в связи с Ихэтуаньским (Боксёрским) восстанием в 1900 г., но Г. Блю установил, что так называлась глава в книге председателя Лондонского общества изучения Японии А. Диози (Arthur Diósy) «Современный Дальний Восток» [7, p. 121–123].

Необходимость использования этой концепции именно в середине 1890-х гг. объяснялась вмешательством триумвирата европейских держав (Германии, Франции и России) в итоге японо-китайской войны, когда он принудил Японию отказаться от военных баз на полуострове Ляодун. В частном письме Вильгельма своему кузену Николаю II, отправленном в конце апреля 1895 г., прямо заявляется о главной миссии России – защита Европы от нашествия жёлтой расы. С того же периода началась последовательная германская экспансия на Дальнем Востоке: в ноябре 1897 г. германская эскадра захватила бухту Цзяочжоу и превратила провинцию Шаньдун в зону своего влияния. Характерно, что инициатива захвата принадлежала кайзеру лично. Против резко выступало Министерство иностранных дел и даже адмирал фон Тирпиц – шеф флота, причём главным их аргументом было то, что это спровоцирует Россию на военные действия (о ходе событий подробно [13, p. 156–177]).

Следующая волна активности Германии в Китае была спровоцирована Ихэтуаньским восстанием (1899–1900) и последующей европейской интервенцией. Поводом для неё было убийство германского посла К. фон Кеттелера, германское министерство иностранных дел и лично кайзер вновь взяли дело в свои руки. Экспедиционный корпус из Бремерсхафена провозжал лично кайзер, в своей речи он, в частности, сравнил будущую роль немцев в Китае с памятью Аттилы, который на тысячелетия вперёд оставил память о себе у европейских народов. По мнению Г. Блю, это прямое влияние идей Гобино, опубликованных в газете вагнерианцев ещё в 1881 г. Впрочем, в годы Первой мировой войны отождествление тевтонов и гуннов стало общим местом в антигерманской пропаганде стран Антанты [7, p. 124–125]. В общем, вмешательство Германии в дела Дальнего Востока было с осторожностью встречено немецкими интеллектуалами, так, М. Вебер после захвата германских территорий в Китае японцами обозначил позицию Вильгельма II как «романтическую» [14, s. 372–

374]. Впрочем, преувеличивать приверженность кайзера идее «жёлтой угрозы» и полагаться на изрекаемые им апокалипсические пророчества «последнего боя жёлтой и белой рас» тоже вряд ли следует. Буквально через полгода после этого пророчества, император высказался за идею создания японо-германского союза, направленного против британо-французско-русского сближения [15, p. 142–146, 168].

Если принять тезис о сознательном использовании Вильгельмом II элементов теории Ж. Гобино, и наличии, хотя бы частичного, элемента «жёлтой угрозы» в его мировоззрении, встаёт вопрос об источнике его познаний в этой области. Согласно Г. Блю, «передаточным звеном» от круга Вагнера к кайзеровскому двору являлся князь Фредерик Александр цу Эйленбург-Хертефельд (1847–1921), чей дядя – Фридрих Альберт цу Эйленбург – возглавлял в 1859 – 1862 гг. первую прусскую экспедицию в Китай и Японию. Племянник в 1900 г. опубликовал его экспедиционную переписку [7, p. 127]. С другой стороны, родители и родственники Вильгельма превосходно разбирались во французской литературе, и были лично знакомы с графом Гобино. Согласно биографии Шемана, книгу Гобино о Ренессансе будущему кайзеру подарила мать.

В пользу влияния князя Эйленбурга говорит тот факт, что он был тесно связан с вагнеровским окружением в Байрёйте, был хорошо знаком с Гобино и стал его ярким поклонником и одним из первых пропагандистов его теории в Германии. В 1886 г. он посвятил Гобино статью, вышедшую в “*Bayreuther Blätter*”, особенно высоко оценивая его последнюю поэму «Амадис» (сам Гобино называл его в переписке «первым человеком, который понял меня правильно»). Неудивительно, что он вместе с Л. Шеманом и Г. фон Вольцогеном стал одним из сооснователей и главой «Общества Гобино». В переписке Эйленбурга и Гобино «жёлтая угроза» занимала немало места, также много места занимал вопрос расширения российских владений на Дальнем Востоке, каковой они считали важнейшим в политической истории XIX века [7, p. 128]. Таким образом, учитывая дружбу Эйленбурга с Гобино и близость к окружению Вильгельма II, вполне вероятно влияние некоторых элементов теории Гобино на личные взгляды кайзера, и проводимый им политический курс [10, s. 225–226].

Теория Гобино на Дальнем Востоке. В общем, основные направления проникновения западных теорий в интеллектуальное пространство дальневосточных стран на рубеже XIX–XX вв. исследованы достаточно полно. В этом плане можно сразу обратить внимание на то, что прямое влияние теории Гобино и ответ на западные идеи «жёлтой угрозы» фиксируются не в Китае, которого так опасался её автор, а в Японии, которая стремилась попасть в число великих держав.

Китайское интеллектуальное пространство, в той части, которая была открыта западным влиянием, к началу XX в. оказалось прочно занято английскими и американскими миссионерами. Основным предметом устремлений вестернизированной китайской элиты также были англоговорящие страны. В результате самой «модной» теорией вплоть до 1920-х гг. оставался социальный дарвинизм Спенсера, в рамках которого «жёлтая угроза» интерпретировалась в контексте возрождения национальной мощи Китая и отмщения ведущим западным державам за причинённые унижения.

Распространение расовой теории Гобино в Японии напрямую привязано к германской экспансии в Китае; в результате уже с 1898 г. в японской прессе достаточно распространённым стал тезис о неизбежности мировой войны на расовой почве, в которой Китай и Япония совместно выступят против своих «заклятых врагов», т.е. белых. Существенную роль в распространении таких взглядов сыграл князь Коноэ Ацумаро (1863–1904) – известный политик, отец будущего премьер-министра¹. Даже краткий обзор его биографии свидетельствует, что всё это было далеко не случайным. Коноэ принадлежал к древнему клану Фудзивара (представители которого были некоронованными правителями Японии в VII–XII вв.), в 1885–1890 гг. обучался в Германии, в Боннском и Лейпцигской университетах, после возвращения в Японию стал депутатом парламента² и возглавил элитную школу Гакусёин и с тех же пор проповедовал паназиатскую теорию. Он стал основателем Общества единой азиатской культуры, которое с 1900 г. открыло училище в Китае – сначала в Нанкине, затем в Шанхае, где японцы изучали китайский язык и культуру. Аналогичная школа в Японии для китайцев, заинтересованных в изучении японского языка, ныне является частным университетом Айти (в Нагоя) [16]. Однако мыслителем, который провёл соединительную линию между германской политикой в Восточной Азии и расовой теорией Гобино, стал Мори Огай (1862–1922). Потомственный врач, получивший образование в Германии в 1884–1888 гг. и достигший высших чинов в медицинской службе Императорской армии и генеральского чина, ныне более всего известен как

¹ Коноэ Фумимаро (1891–1945) занимал пост премьер-министра в 1937–1941 гг., ярый сторонник и инициатор колониальной экспансии Японии, направленной на захват Китая и европейских колоний в Юго-Восточной Азии. Сторонник сближения с муссолиниевской Италией и гитлеровской Германией. В 1945 г. был включён в список военных преступников и должен был стать главным обвиняемым на Токийском процессе; покончил с собой, не дожидаясь ареста.

² В 1896–1903 гг. Коноэ Ацумаро возглавлял Палату пэров – высшую палату парламента императорской Японии, с 1903 г. – член Тайного совета при императоре. Незадолго до смерти (последовавшей 1 января 1904 г.) он основал Антирусское общество и всячески ратовал за начало русско-японской войны, но не дожидаясь её начала.

романист, зачинатель романтического направления в современной японской литературе. Гораздо менее известен тот факт, что именно Мори Огай перевёл на японский язык трактат К. фон Клаузевица. Его наследию посвящена специальная работа Р. Боуринга [17], в четвёртой главе которой специально рассматривается интересующая нас тема. Побудительным мотивом для Мори Огай стали факты чрезвычайной жестокости, продемонстрированной германским экспедиционным корпусом при подавлении восстания ихэтуаней в Китае. Его беспокоило то, что это могло быть воспринято в японской армии как образец эффективности; получив традиционное конфуцианское воспитание, он не мог примириться с идеями, что морали нет места в современной войне. В результате, анализируя поведение западных колонизаторов, он стал рассматривать его в культурологическом контексте и в результате констатировал, что в основе лежит расовая нетерпимость. Результатом стало то, что он обратился к труду Гобино в немецком переводе, вышедшем в свет незадолго до этого; ярким свидетельством того, что Мори Огай воспринимал именно перевод Шемана стало то, что он практически не упоминает об историческом пессимизме Гобино [17, р. 110–114]. В системном виде он изложил идеи Гобино и Шемана в лекции, прочитанной 6 июня 1903 г. в Обществе изучения Китая и Японии. Характерно, что в своей лекции Мори Огай критиковал Гобино за чрезмерный этноцентризм и сведением человеческой культуры к влиянию наследственности. В ноябре 1903 г. он прочитал в университете Васэда (Токио) лекцию о западных представлениях о «жёлтой угрозе», в которой, в частности, заявил: «Нравится нам это или нет, но мы обречены на противостояние с белой расой». О Гобино он говорил в той же лекции, что «узнал о его учении недавно», и что изучение его теории очень полезно, чтобы знать больше о мышлении западного противника [17, р. 116]. В то же время, будучи рационалистом по натуре и поклонником западной культуры, Мори, видимо, не был категоричен в признании неизбежности расового конфликта и верил в возможность примирения и сотрудничества. Тем не менее, именно он оказался первым пропагандистом расовой теории в Японии, которая сыграла большую роль в теоретическом обосновании империализма эпох Мэйдзи, Тайсё и раннего периода Сёва¹ и резко повышении уровня расового самосознания в Японии. Последнее доказывалось и в очерке Ж. Сиари о судьбе «Опыта» в японской общественной мысли [7, р. 132]. Такой исторический парадокс – идея расового конфликта, введённая Гобино для описания противостояния белой и жёлтой расы, в конечном счёте, обернулась колоссальным ущербом для народов Китая и Кореи со стороны Японии.

Заключение. Изображение Китая в теории Ж. Гобино, за вычетом некоторых особенностей, является типичным для XIX в. Китайская цивилизация в расовой теории служила символом реакции и исторического застоя, однако из этого не следовало отрицательное отношение Гобино к неевропейским культурам вообще: так, он испытывал большой энтузиазм по отношению к Ирану и Центральной Азии и считал, что их образ жизни предпочтительнее европейского декаданса. Это напрямую было связано и его расовой теорией – для Гобино Иран и среднеазиатский регион сохранили больше арийских элементов, чем современная ему Европа. Из этого следует, что в его понимании Китай не мог рассматриваться, как было принято в то время, как «европейское Зазеркалье», своего рода «анти-Европа». Согласно теории Гобино, прародиной китайской расы является Американский материк, откуда завоеватели вытеснили белые народы Северной Азии и Дальнего Востока. Тем самым образ Китая становился метафорой смертельной угрозы, которая и была реализована в поэме «Амадис». Характерно, что для Гобино – элитариста и аристократа – Китай был символом того, во что превратится мир, если последует по пути социального и политического эгалитаризма. В проблеме масс и революции Гобино впервые увидел корни «демократического деспотизма». В отрицании прогресса заключается «нестандартность» его мышления для магистральных направлений общественной мысли XIX в.

Ж. Гобино был автором идеи «жёлтой угрозы», но его аргументация была такова, что вывела его за пределы круга авторов, обосновывающих колониальную политику и активную экспансию европейских держав на Дальнем Востоке. Характерно, что когда теория Гобино стала пропагандироваться в Германии, из неё были удалены пессимистические элементы. В таком виде она была использована апологетами пангерманизма и евгеники, входящими в круг Р. Вагнера в Байрёйте, – в первую очередь Л. Шеманом и Х. Чемберленом. Теория Гобино в германизированной версии была известна некоторым влиятельным политикам и идеологам Японии и стала составной частью японской колониальной риторики в позднюю эпоху Мэйдзи и далее.

Примечания:

1. Семёнов Ю.И. *Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)* / Ю.И. Семёнов. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

¹ В традиционной политической культуре Китая, Кореи и Японии девиз правления – символическое обозначение правления императора; принимается девиз при восшествии на престол и выражает некоторый благой принцип, закладываемый для реализации. Перечисленные императорские зры в Японии – Мэйдзи («Просвещённое правление», 1868–1912), Тайсё («Великая справедливость», 1912–1926), Сёва («Открытый мир», 1926–1989).

2. Гофман А.Б. Элитизм и расизм (критика философско-исторических воззрений А. де Гобино) / А.Б. Гофман // Расы и народы. 1977. Вып. 7. С. 128–142.
3. Гобино Ж.-А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж.-А. де Гобино. М.: Одиссей, ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 765 с.
4. Biddiss M.D. *Father of Racist Ideology: The Social and Political Thought of Count Gobineau* / Michael Denis Biddiss. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. 328 p.
5. Мартынов Д.Е. Классификация утопизма Лю Жэньхана (из истории освоения эстетического пространства западной цивилизации в Китае) / Д.Е. Мартынов // Общество и государство в Китае: XXXVIII научная конференция / Ин-т востоковедения РАН; сост. и отв. ред. С.И. Блюмхен. М.: Вост. лит., 2008. С. 158–164.
6. Кравцова М.Е. К проблеме Средневековья в Китае / М.Е. Кравцова // Verbum. Вып. 12: Диспозиции Средневековья в истории мировой культуры. СПб., 2010. С. 72–93.
7. Blue G. Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity / Gregory Blue // *Journal of World History*. 1999. Vol. 10, no 1. P. 93–139.
8. Schemann L. *Gobineaus Rassenwerk. Aktenstücke und Betrachtungen zur Geschichte und Kritik des “Essai sur l’inégalité des races humaines”* / Ludwig Schemann. Stuttgart: Fromanns Verlag, 1910. 544 s.
9. Gobineau A. *Œuvres. Tome III* / Arthur Gobineau; Ed. de J. Gaulmier, J. Boissel, M.-L. Concasty / Bibliothèque de la Pléiade, no 336. Paris: Gallimard, 1987. 1552 p.
10. Young E. J. *Gobineau und der Rassismus. Eine Kritik der anthropologischen Geschichtstheorie* / E. J. Young. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1968. 363 s.
11. Boissel J. *Gobineau, l’Orient et l’Iran. Tome I* / Jean Boissel. Paris: Klincksieck, 1973. 476 p.
12. Rowbotham A.H. *The Literary Works of Count de Gobineau* / Arnold Horrex Rowbotham. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1929. 170 p.
13. Gottschall T.D. *By Order of the Kaiser, Otto von Diederichs and the Rise of the Imperial German Navy 1865–1902* / Terrell D. Gottschall. Annapolis: Naval Institute Press. 2003. 337 p.
14. Weber M. *Gesammelte politische Schriften* / Max Weber. Tübingen: Mohr, 1958. 593 s.
15. Balfour M. *The Kaiser and His Times* / Michael Balfour. London: Houghton Mifflin, 1964. 524 p.
16. *History of Aichi University*: [Электронный ресурс] // Aichi University. URL <http://www.aichi-u.ac.jp/foreign/english/history.html> (дата обращения 10.05.2014)
17. Bowring R.J. *Mori Ōgai and the Modernization of Japanese Culture* / Richard John Bowring. Cambridge (England): Cambridge Univ. Press, 1979. 297 p.

References:

1. Semenov Yu.I. *Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei)* / Yu.I. Semenov. М.: Sovremennye tetrady, 2003. 776 s.
2. Gofman A.B. *Elitizm i rasizm (kritika filosofsko-istoricheskikh vozzrenii A. de Gobino)* / A.B. Gofman // *Rasy i narody*. 1977. Vyp. 7. S. 128–142.
3. Gobino Zh.-A. de. *Opyt o neravenstve chelovecheskikh ras* / Zh.-A. de Gobino. М.: Odissei, OLMA-PRESS, 2000. 765 s.
4. Biddiss M.D. *Father of Racist Ideology: The Social and Political Thought of Count Gobineau* / Michael Denis Biddiss. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. 328 r.
5. Martynov D.E. *Klassifikatsiya utopizma Lyu Zhen'khana (iz istorii osvoeniya esteticheskogo prostranstva zapadnoi tsivilizatsii v Kitae)* / D.E. Martynov // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXVIII nauchnaya konferentsiya* / In-t vostokovedeniya RAN; sost. i отв. red. S.I. Blyumkhen. М.: Vost. lit., 2008. S. 158–164.
6. Kravtsova M.E. *K probleme Srednevekov'ya v Kitae* / M.E. Kravtsova // *Verbum*. Vyp. 12: *Dispozitsii Srednevekov'ya v istorii mirovoi kul'tury*. SPb, 2010. S. 72–93.
7. Blue G. *Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity* / Gregory Blue // *Journal of World History*. 1999. Vol. 10, no 1. R. 93–139.
8. Schemann L. *Gobineaus Rassenwerk. Aktenstücke und Betrachtungen zur Geschichte und Kritik des “Essai sur l’inégalité des races humaines”* / Ludwig Schemann. Stuttgart: Fromanns Verlag, 1910. 544 s.
9. Gobineau A. *Œuvres. Tome III* / Arthur Gobineau; Ed. de J. Gaulmier, J. Boissel, M.-L. Concasty / Bibliothèque de la Pléiade, no 336. Paris: Gallimard, 1987. 1552 p.
10. Young E. J. *Gobineau und der Rassismus. Eine Kritik der anthropologischen Geschichtstheorie* / E. J. Young. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1968. 363 s.
11. Boissel J. *Gobineau, l’Orient et l’Iran. Tome I* / Jean Boissel. Paris: Klincksieck, 1973. 476 p.
12. Rowbotham A.H. *The Literary Works of Count de Gobineau* / Arnold Horrex Rowbotham. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1929. 170 p.
13. Gottschall T.D. *By Order of the Kaiser, Otto von Diederichs and the Rise of the Imperial German Navy 1865–1902* / Terrell D. Gottschall. Annapolis: Naval Institute Press. 2003. 337 p.
14. Weber M. *Gesammelte politische Schriften* / Max Weber. Tübingen: Mohr, 1958. 593 s.
15. Balfour M. *The Kaiser and His Times* / Michael Balfour. London: Houghton Mifflin, 1964. 524 p.
16. *History of Aichi University*: [Elektronnyi resurs] // Aichi University. URL <http://www.aichi-u.ac.jp/foreign/english/history.html> (data obrashcheniya 10.05.2014)

17. Bowring R.J. Mori Ōgai and the Modernization of Japanese Culture / Richard John Bowring. Cambridge (England): Cambridge Univ. Press, 1979. 297 p.

УДК 930.85

Ж. Гобино, Вагнер, Китай и рождение «жёлтой угрозы»

¹ Дмитрий Евгеньевич Мартынов

² Юлия Александровна Мартынова

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Кандидат исторических наук, доцент
420111, Российская Федерация, Казань, ул. Пушкина 1/55
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
Высшая школа искусств им. С. Сайдашева
420021, Российская Федерация, Казань, ул. Татарстан 2
E-mail: marabaeva.juli@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена взглядам Ж. Гобино на Китай и понятию «жёлтой угрозы». Гобино, отрицая прогресс и социальное равенство, рассматривал Китай как наиболее социальное общество земного шара, и одновременно разрабатывал концепцию «жёлтой угрозы». Будучи последовательным пессимистом, он полагал, что главным конфликтом XIX века станет война белой и жёлтой рас. После его кончины взгляды Гобино были восприняты окружением Р. Вагнера и распространились в кайзеровской Германии. Также она была воспринята и в империалистической Японии, где её проводниками стали Коноэ Ацумаро и Мори Огай. Несмотря на внимание Гобино к проблемам Китая, в самом Китае его взгляды не получили распространения.

Ключевые слова: Всеобщая история; Китай; Япония; Германия; «Жёлтая угроза»; расизм; элитаризм; эгалитаризм; империализм; колониализм.